

Прагматика личных местоимений
в составе местоименных комплексов
и диалоговых единств

Валентина Г. Кульпина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, vgrkulpina@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена местоименным комплексам на основе личных местоимений, которые в силу сложившейся традиции на сегодняшний день не принято выделять в качестве самостоятельных языковых единиц. В то же время многое говорит об их особом статусе в словаре и в лексической системе. Так, в частности, о том, что такие формации – на основе и с участием личных местоимений – являются собой единицы нашей речи, говорит постоянство сферы их функционирования, связь с ситуацией общения, частотность употребления и целый ряд других факторов. Среди анализируемых в статье единиц представлены местоименные комплексы на основе местоименного субъекта. Местоименные комплексы являют собой фразеологизированные единицы, в том числе синтаксические фразеологизмы, единицы символического характера, крылатые слова и др. Отмечается роль единиц описанного типа в стилистическом оформлении речи и их связь с этнолингвистической традицией. Подчеркивается, что включение таких местоименных единиц в словари в качестве отдельных словарных статей или подстатей в целом ряде случаев оправдано и целесообразно. Некоторые фрагменты статьи содержат сопоставительный пласт единиц – функциональных соответствий из близкородственного польского языка.

Ключевые слова: личное местоимение, местоименный комплекс, прагматика, грамматическая семантика, лексическая семантика, фразеология, лексикография, русский язык

Для цитирования: Кульпина В.Г. Прагматика личных местоимений в составе местоименных комплексов и диалоговых единств // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 111–135. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-111-135

Pragmatics of personal pronouns in the structures of pronoun complexes and dialog unities

Valentina G. Kulpina

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
vgrkulpina@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to pronoun complexes on the base of personal pronouns, which at present traditionally are not usually singled out as autonomic language units. Nevertheless many things indicate their particular status in the vocabulary as well as in lexical system. So this way the status of such formation (created on the base of personal pronouns) as the units of the speech are confirmed by constancy of their function's spheres, the connection to communication's situation, frequency of their use and by some other factors. Among the analyzed units in the article are presented pronoun complexes on the base of pronoun subject, units of symbolic character, popular expressions (pithy sayings), phraseology of syntactical type etc. There is marked the role of units of such kind for the stylistic shape of speech and their value in the connection to ethnolinguistic tradition. There is underlined that such pronoun units' inscription to dictionaries as a standing by itself vocables or subvocables are mostly expedient and advisable. There is used also comparison stratum of lexis – functional correspond units from the near related Slavic area.

Keywords: personal pronoun, pronoun complex, pragmatics, grammatical semantics, lexical semantics, phraseology, lexicography, Russian language

For citation: Kulpina, V.G. (2022), "Pragmatics of personal pronouns in the structures of pronoun complexes and dialog unities", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, part 1, pp. 111–135, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-111-135

Введение

Тема статьи связана с категорией лица, которая рассматривается исследователями как грамматическая или как лексическая; и у каждой точки зрения имеются свои сторонники и своя веская аргументация. Так и принадлежность данной категории грамматике не является очевидным фактом. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» категория лица рассматривается как «грамматическая словоизменяемая категория глагола» (ЛЭС 1990, с. 271). Категория же лица личных местоимений в этом энциклопедическом издании предстает как лексическая: «у них <местоимений> категория лица представлена самим набором *лексем*, а не рядом

грамматических форм» (ЛЭС 1990, с. 271). О том, что статус категории лица как грамматической категории не столь очевиден и требует определенных доказательств, пишет в своей «Общей морфологии» В.А. Плунгян [Плунгян 2000, с. 254–255]. Он обосновывает свое мнение следующим образом: «Для личных местоимений категория лица является обязательной; это явление можно было бы считать ограниченной лексической обязательностью <...>, если бы не то обстоятельство, что системы личных местоимений играют особенно важную роль в грамматике любого языка. Трактовка личности как грамматической категории удобна еще и потому, что для глагольных форм достаточно характерно согласование с личными местоимениями – прежде всего именно по категории лица» [Плунгян 2000, с. 254–255].

Многие исследователи стремились дать определение категории лица по разным критериям и признакам: по формально-структурным (нередко сама дефиниция присутствует лишь косвенно через демонстрацию структурных моментов – окончаний глагола и местоимений в данном языке), по структурно-семантическим, семантическим, функциональным, социолингвистическим, прагматическим и др. основаниям [Rittel 1985, с. 34–46]. Приведем некоторые из них, самые характерные. В базовых грамматиках русского языка дефиниция категории лица дается в достаточно развернутом плане и касается одновременно как категории лица местоимений, так и глагола. Истоки формирования системы личных местоимений русского языка восходят к XI–XII вв. [Кибрик, Сидорова 2013, с. 167]. В отличие от целого ряда других европейских языков, «в русском языке словоизменительные показатели в глаголе продолжают сохранять референциальный потенциал, но тем не менее примерно в 2/3 случаев дополнительно используются субъектные местоимения» [Кибрик, Сидорова 2013, с. 167]. При этом субъектные местоимения, наряду с референциальной функцией, нередко в комплексе с другими местоимениями, выполняют в русском языке еще целый ряд важных семантических функций, которые и рассматриваются в данной статье. Падежная семантика личных местоимений, в силу особенностей семантики личных местоимений, носит чрезвычайно обобщенный характер и в то же время весьма полисемантический. Обобщенность семантики местоимения позволяет этой части речи развивать многообразные функции и участвовать в формировании новых значений.

В «Грамматике русского языка» 1980 г. (известной как «Грамматика 80») дается следующая дефиниция категории лица: «Морфологическая категория лица – это «система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесенность или неотне-

сенность действия к участникам речевого акта. Формы лица выражают отнесенность действия к говорящему (формы 1-го лица), к собеседнику (формы 2-го лица) или к лицу, не являющемуся ни говорящим, ни собеседником, а также к неодушевленному предмету (формы 3-го лица)» [Русская грамматика 1980, с. 636].

В «Русской грамматике», созданной коллективом ученых Чехии и Словакии, дается следующая дефиниция категории лица: «трехчленная система категории лица реализуется в рамках более широкой категории персональности. Персональные формы (1-е и 2-е лицо) связаны с основной формой языкового общения – диалогом. Форма третьего лица представляет собой немаркированный член по признаку персональности (названное в речи лицо является не субъектом и объектом языкового общения)» [Русская грамматика 1979, с. 160].

Приведенные выше дефиниции могли бы быть обобщены таким образом, что связь категории лица с живой коммуникацией, с личностью, ее включенность в категорию персональности является ее дистинктивным признаком и фактором, предопределяющим характер ее функционирования в языке.

Категория лица анализируется в статье на основе языковых единств личных местоимений, называемых в статье *местоименными комплексами*. Отметим, что А. Богуславский этим термином обозначает любые языковые структуры, включающие местоимения. В данной же статье под местоименными комплексами (МК) подразумеваются языковые единства, состоящие из личного местоимения и еще какого-либо местоимения (в том числе личного), а также языковые единства, содержащие личное местоимение и еще какое-либо слово, выступающее в единстве с этим местоимением на постоянной основе.

Большинство местоименных комплексов представляют собой такие языковые структуры, в отношении которых отсутствует традиция их выделения в качестве самостоятельных языковых единиц. В то же время многое свидетельствует в пользу того, что этим единицам пора поменять свой лингвистический статус и перейти от трактовки их места в языке как случайной соположенности к их интерпретации как устойчивых единиц нашей речи и мысли. Проблема является актуальной, и в целом на материале русского языка ее можно считать малоисследованной. В силу естественных ограничений на объем статьи анализ не затронул проблематику местоименных обращений [Кульпина 2016, с. 23–45] и местоименных комплексов на основе объектных и обстоятельственных значений косвенных падежей (данная проблематика весьма обширна [Кульпина 2012, с. 85–98]). Отдельно не затрагивались также вопросы лексикографирования местоимений [Кульпина 2009, с. 124–134].

Каждое из личных местоимений, обладая своим собственным значением, только ему присущим, в составе местоименных комплексов приобретает еще и другое, общее для комплекса фразеологизованное значение и другие смыслы.

Фразеологизованные структуры (ФС) на основе личных местоимений представляют собой в русском языке важный сегмент фразеологической системы языка. А.В. Величко дает им следующую дефиницию: «ФС – это синтаксическая структура, модель, определенные компоненты которой наполняются разным лексическим материалом, что позволяет по одной модели построить неограниченное количество высказываний, имеющих одно типовое значение, но разное конкретное содержание <...> *Тожэ мне студент! Тожэ мне свадьба!* <...> в них реализуются живые синтаксические закономерности языка. Они состоят из слов и словоформ, соединяемых по правилам синтаксических связей» [Величко 2016, с. 57]. При этом отмечается нестандартность, специфичность таких синтаксических построений, поскольку их структурные признаки и семантика «не обусловлены регулярными синтаксическими связями, действующими языковыми закономерностями <...> в ФС компоненты связаны идиоматически» [Величко 2016, с. 57–58].

Далее рассматриваются такие местоименные комплексы на базе личных местоимений с элементами фразеологизации, которые представляют собой сферу неявного, не всегда осознаваемого и общепринятого во взгляде на *proponia*. В то же время о том, что такого рода структуры с личными местоимениями являют собой «готовые» единицы нашей речи, говорит устойчивый характер их употребления в комплексе, связь их функционирования с ситуацией общения, моделью поведения, а также частотность в разных типах дискурса.

Что касается языкового статуса таких фразеологизованных единиц, часть из них может быть отнесена к синтаксическим фразеологизмам, которым группой авторов – В.Ю. Меликяном, А.В. Меликян и В.В. Посиделовой дается следующая характеристика и дефиниция: «Синтаксические фразеологические единицы (далее – СФЕ) представляют собой один из наиболее специфических феноменов языка, так как объединяют в себе признаки единиц синтаксиса и фразеологии, относятся преимущественно к устной разговорной форме диалогической речи, обладают экономностью, выразительностью, антропоцентричностью и прагматичностью. Такой синкретизм придает им необычайную выразительность и эффективность в практике речевой коммуникации» [Меликян В.Ю., Меликян А.В., Посиделова 2021, с. 46]. Эта дефиниция, собственно говоря, вполне охватывает рассматриваемые нами образования на прономинальной основе.

Для многих местоименных фразеологизированных структур типа синтаксических фразеологизмов характерно употребление в ситуации диалога (см. ниже).

1. *Местоименные комплексы с идентифицирующей и индивидуализирующей семантикой*

Приступим к нашему анализу и его экзemplификации, следуя простому формальному принципу и начиная его с тех единиц, которые функционируют в диалогах в именительном падеже, служа формированию диалоговой коммуникативной среды.

Подчеркнем, что каждое из личных местоимений естественным образом связано с категорией падежа, будучи представлено в тексте в какой-либо предложно-падежной форме или конструкции. Отсюда падежные отношения и их характер важны также для состава местоименных комплексов.

О падежных формах и падежных конструкциях в целом польская и бельгийская исследовательница когнитивных функций падежа Б. Рудзка-Остин в книге «Из рассуждений над категорией падежа» пишет следующее: «...падежи близки лексическим категориям; ими управляют подобные механизмы экспансии: обобщение, детализация, метафоризация и т. п. Бывают также, разумеется, отличия: одно и то же слово не значит, как правило, *белый* и *черный*, в то время как падежи могут выражать разного типа антиномии...» [Rudzka-Ostyn 2000, s. 83].

Падежные отношения, выражаемые местоимениями, нередко отличаются от тех, которые выражаются существительными. Развитие семантики падежных форм и конструкций нередко идет по пути лексикализации и фразеологизации. В сфере местоимений эти процессы нередко протекают специфическим образом. Покажем это на примерах из основного корпуса НКРЯ и широко известных строк из стихотворного, в том числе песенного творчества, и примеров из устной речи.

1.1. *Местоименные комплексы на основе начальных реплик диалога, идентифицирующие участников коммуникации как своих*

1.1.1. *Местоименный комплекс Это я!* Данный МК выступает в диалогической ситуации начала телефонного общения, когда звонит хорошо знакомый человек или ближайший родственник,

в любом случае *свой человек*, интенцией которого является быстро и надежно обозначить себя как близкого коммуниканту человека. Можно здесь вспомнить употребление этой языковой единицы у Владимира Высоцкого в песне: «Ну, здравствуй, это я!». Итак, комплексное единство *Это я!* употребляется в идентифицирующей функции, будучи обращено к самым близким людям.

1.1.2. *Местоименный комплекс А вот и я! / А вот и мы!* Данный МК сигнализирует несколько иную ситуацию по сравнению с представленной в 1.1.1. личного прихода хорошо знакомого человека, *своего* для хозяев дома, которого «запланированно» ждали.

Иллокутивная сила вышеприведенного комплекса во множ. числе *А вот и мы!* состоит в том, чтобы сигнализировать приход тех людей (гостей), которые (как и в предыдущем примере) пришли не случайно, которых хозяева ждали.

1.2. *Местоименные комплексы, представляющие собой ответные реплики в диалоге*

Представляется, что МК, представляющие собой ответные диалоговые реплики, могут быть квалифицированы как коммуникативы. Данной категории специфических коммуникативных единиц – ответных реплик – И.А. Шаронов дает следующую дефиницию: «Коммуникативы – это особые употребления слов, фразем и коротких предложений в позиции ответных реплик диалога для стереотипного выражения оценки, мнения и эмоции как реакция на высказывание собеседника...» [Шаронов 2016]. Рассмотрим далее коммуникативные единицы данного типа, нередко обладающие между собой внешним сходством, но в то же время нередко несущие разные смыслы или их модификации. При этом в процессе дифференциации типов коммуникативов таковые будут ограничиваться от омонимичных структур.

1.2.1. *Местоименный комплекс, выступающий при переключке участников какого-либо мероприятия и зачитывании списка присутствующих, служащий идентификации участника коммуникации.* В России свое присутствие принято обозначать короткой однословной ответной репликой: «– **Я**». Ср. в диалоге: «– Иванов! – Я; – Петров! – Я!» и так далее по списку. Если мы сравним данную диалоговую структуру с ее функциональным соответствием в польском языке, то увидим, что в аналогичной функции при переключке участников в качестве реплики на прозвучавшую фамилию используется не личное местоимение 1-го лица, а форма

вспомогательного глагола *być* в форме 1-го лица: *Jestem!* 'Я есть'. Это значение у польского вспомогательного глагола выделяет А. Богуславский: «оборот, представляющий собой отклик о присутствии в связи с зачитыванием списка лиц, чье присутствие предусмотрено» [NSS 1993, s. 67].

Отметим, что рассматриваемую коммуникативную единицу мы можем отнести к категории коммуникативов, поскольку в качестве ответной реплики диалога она содержит коммуникативно и прагматически весомую информацию, выражая стереотипную активную эмоциональную реакцию готовности коммуниканта ответить на высказывание собеседника и тем самым зафиксировать свое согласие принять участие в мероприятии [Шаронов 2016].

2. Местоименные комплексы-ответные реплики, связанные с запросом на информацию

Рассматриваемую в разделе группу местоименных комплексов в виде ответных реплик можно объединить на основе того, что все они являются ответом на запрашиваемую информацию. Эти МК представляют собой коммуникативы (см. выше в п. 1: [Шаронов 2016]), содержащие оценочные эмоциональные реакции на запрос отправителя сообщения. Анализируемые коммуникативы обладают сложной семантикой, которая может дифференцироваться, модифицироваться и уточняться с помощью ряда дискурсивных маркеров (дискурсивов). В.Т. Бондаренко обращает внимание на то, что «основное назначение ответных реплик, вызванных прямыми житейскими вопросами, желанием и намерением партнера по коммуникации узнать что-либо, заключается в отведении вопросной реплики как неуместной, нежелательной, в уклонении от ответа или в том, чтобы дать неопределенный ответ, ответ не по существу» (Бондаренко 2013, с. 5).

2.1. Местоименный комплекс *А я знаю?*

Данный МК представляет собой реплику в диалоге со специфическими просодическими свойствами (с интонацией, повышающейся на первом слоге в слове *знаю*). Наряду с информацией о том, что адресат не владеет информацией, нужной отправителю, МК содержит также информацию о неодобрении адресатом каких-то действий или слов отправителя. См. примеры:

- (1) *Чрезмерность этого разговора действовала на него почти физически, его по-настоящему знобило. – А я знаю? Черт ее душу знает чьё! – широко выругался Роман. – Дядино? (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 [1978]).*

Ответная реплика **А я знаю?** характеризует коммуникативное поведение коммуниканта, его реакцию, указывая в данном случае на ненужность, неуместность и бесполезность выяснения каких-то вещей, на недовольство и раздражение ее произносящего.

Анализ вышеприведенного примера и других подобных показывает, что фразеологизированный местоименный комплекс **«А я знаю?»** (с вопросительной интонацией) является в русском языке готовым продуктом – ответной репликой, в закреплённом традицией виде извлекаемым из памяти и являющимся носителем особых смыслов. Так, наряду с незнанием чего-либо ответная реплика информирует о несогласии ее реципиента с собеседником, о неодобрении его слов или действий.

2.2. Местоименный комплекс «...а я знаю» без вопросительной интонации (омонимичный рассмотренному ранее в п. 2.1)

Данный комплекс выполняет иную семантическую функцию – противопоставления как оппозитивности, антонимичности. Данная структура также имеет признаки фразеологизированности, однако ее семантика не осложнена дополнительными оценочными значениями – как это имеет место в предыдущем МК 1.2.2. См. пример:

- (2) *Это они не знают, в чём дело, а я знаю, они случайные люди в нашем производстве, а я на нем вырос (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок [1975–1977]).*

2.3. Местоименный комплекс **А я не знаю**

Данный комплекс, как и ряд ранее рассмотренных МК, представляет собой ответную реплику с отрицательной частицей **не**. Этот МК обладает особым интонационным контуром (интонация повышается на слове **я**). Семантическая специфика такой реплики заключается в ее способности служить сигналом не вполне осознанных действий адресата, некоторой его растерянности, определенной неадекватности реакции и ощущения неловкости ситуации: участник диалога сам затрудняется в оценке своих действий и ими не доволен, причем репликой отправителя сообщения ее адресат также не доволен. Эта реплика может сопровождаться некоторыми

специфическими жестами (см. ниже). См. ряд иллюстративных примеров:

- (3) – *Серезжа недавно вспоминал о вас, спрашивал, бываете ли в газетном секторе.*
 – *А я не знаю. Я почти не выхожу из корректорской* (Николай Шлиппенбах. И явил нам Довлатов Петра // «Звезда», 2003).

Адресат затрудняется с ответом на вопрос, на который, казалось бы, он должен знать ответ (бывает ли он или не бывает в некоем месте (в газетном секторе)). Для данной группы МК как раз характерна ответная реплика немного невыход, некоторая несогласованность с вопросом отправителя сообщения.

- (4) – *Что же вы предлагаете?*
 – *А я не знаю, – Дорн по-мальчишески пожал плечами* (Алексей Иванов. Комьюнити. [2012]).

Жест *пожать плечами* в «Малом академическом словаре» вербализован следующим образом: «сделать движение плечами в знак недоумения, при незнании чего-л. и т. п.» (МАС 1984, III, с. 234). В то же время в «Словаре языка русских жестов» дается следующее толкование данного жеста, не противоречащее таковой в МАС, но более широкое: «*X пожимает плечами 1* = ‘Адресат желает знать некоторую информацию или точку зрения жестикулирующего X о некотором Р; X показывает, что у него нет информации или определенного мнения по этому поводу’» (СЯРЖ 2001, с. 93). Указываются условия употребления жеста: «Для данного жеста характерно употребление в ситуации, когда жестикулирующий не просто сообщает об отсутствии у него некоторой информации, но и указывает на необоснованность ожиданий получить от него эту информацию» (СЯРЖ 2001, с. 93). В указанном словаре отмечено также значение 2: «‘Жестикулирующий X отрицательно оценивает действие Р, произведенное адресатом или третьими лицами; X показывает, что он не понимает, зачем адресат или третьи лица делают Р; X считает это действие бессмысленным или неуместным, но не будет влиять на ситуацию’» (СЯРЖ 2001, с. 94). Рассмотрим и другие примеры, проливающие свет на общую семантику данного МК.

- (5) – *Но почему? – А я не знаю! – хохотнул Савельич. – А я не знаю, помню я или не помню, – крикнул я, стараясь перекричать паровоз* (Анатолий Приставкин. Кукушата или жалобная песнь для успокоения сердца [1992]).

Очевидно, что приведенный выше в примере (5) МК представляет собой семантически осложненную структуру, информирующую о том, что субъект что-то сделал, но при этом сам не знает, почему, и данный факт дополнительно подчеркивается глаголом *хохотнул*. Глагол *хохотнуть* семантизируется в МАС следующим образом: «Издать короткий, негромкий смех» (МАС 1984, IV, с. 623). В то же время приведенный здесь же иллюстративный пример, в котором используется сочетание «дурашливый ... хохоток» (МАС 1984, IV, с. 623), позволяет сделать вывод о некоторой несерьезности, «дурашливости» данного типа смеха и, соответственно, несерьезного характера всей реплики. В свою очередь в ответной реплике первичного отправителя сообщения « – *А я не знаю*, помню я или не помню...», сочетание ***А я не знаю*** употреблено практически как свободное сочетание, информирующее о незнании адресатом какой-то информации.

2.4. Омонимичное сочетание ***а я не знаю*** (с семантикой противопоставления)

Омонимичной структурой является практически *свободное сочетание с тем же лексическим составом*, информирующее о незнании адресатом какой-то важной для отправителя сообщения информации. См.:

- (6) *Ребята спрашивают, а я не знаю, что им ответить* (Юрий Дружков. Волшебная школа [1984]).

2.2.6. *Местоименный комплекс я там не знаю / да уж я там не знаю / ну я там не знаю*. По сравнению с предыдущим МК (2.3.), также с отрицательной частицей, данный комплекс содержит дополнительный компонент в виде наречного местоимения ***там*** в модифицирующей дискурсивной функции, которое и предопределяет определенную семантическую специфику данного комплекса, для которой характерно стремление говорящего дистанцироваться от какой-то информации, передаваемой тем или другим участником диалога или какими-то третьими лицами. Модификации семантики комплекса служат также дискурсивные маркеры ***да, уж, ну...*** См. примеры:

- (7) – *Нет, это совсем еще не гласно, до некоторого времени... я там не знаю, вообще я в стороне совершенно* (Ф.М. Достоевский. Подросток [1875]).

- (8) *Я там замаранный? Я что, убил кого иль ограбил? – Я там не знаю, – говорит мать, и так сердито трет полотенцем миски будто хочет проверить в ней дырку* (Николай Дубов. Мальчик у моря [1966]).
- (9) *Я там не знаю, что он будет, хоть и догадываюсь маленько, но и теперь есть в романе одна пропущенная глава, и притом еще превосходнейшая во всех отношениях: воспитание Мити* (П.В. Анненков. Письма И.С. Тургеневу [1852–1874]).

См. МК с добавлением частиц-дискурсивных маркеров **да** и **уж**:

- (10) – *Да уж я там не знаю, а я вот только что вам скажу... вот все будут свидетелями* (И.И. Панаев. Опыт о хлыщах [1854–1857]).

Во всех приведенных выше примерах с местоимением **там** в составе МК вырисовывается семантика стремления говорящего дистанцироваться от передаваемой им информации и ее источника, показать свою отстраненность от нее, отсутствие эмпатии и интериоризации. Дискурсивы **да уж** и **ну** могут эвентуально привносить еще и элемент юмора и неуверенности говорящего в точности передаваемой информации.

Сравним далее МК с частицей **ну**:

- (11) *Цветочки, подсолнухи, кусты смородины, левкои, астры, ну я там не знаю что еще* (Борис Минаев. Детство Лены [2001]).

В данном примере комплекс **ну я там не знаю** используется при перечислении как знак неокончателного количества, как маркер неуверенности в точности передаваемой информации, определенной отстраненности от нее.

Ср. ниже пример употребления МК с той же семантикой дистанцирования с добавлением этой же частицы **ну** с оттенком юмора:

- (12) – *Ну, я там не знаю, что за бесплотные духи* (П.В. Катаев. Под Сморгонью [1939]).

Лексема **там** может быть употреблена при аналогичном лексическом составе компонентов в свободном сочетании, указывающем на местонахождение объекта. См.:

- (13) *Город многолюдный, богатый губернским bean-tonde, которого притязания самые несносные, – я там никого не знаю, ни души...* (И.С. Аксаков. Письма Ф.А. Бюлеру).

В приведенном примере, несмотря на практически аналогичный лексический состав компонентов, как и в ранее приведенных примерах, местоименный комплекс не формируется, так как слова в примере составляют свободное сочетание; сигналом отсутствия МК является слово *никого* в его составе, которое в комплекс не входит и им не предполагается.

Выделим базовые признаки представленных выше фразеологизированных единиц на местоименной базе: они обладают определенной устойчивой внутренней организацией, проявляют структурно-семантическую устойчивость, обладают свойством воспроизводимости, стабильным и обязательным (не нарушаемым) набором компонентов, строятся по определенной фразеосхеме, обладают интегративным фразеосинтаксическим значением и семантической целостностью. Все это вместе взятое отличает их от свободных сочетаний. Для МК характерна дефектность морфологической парадигмы, а также фиксированный порядок следования компонентов. Характерно, что «целостность плана выражения фразеосхемы выражается в невозможности опущения одного из обязательных компонентов структуры, а целостность плана содержания – в наличии целостного фразеосинтаксического значения, которое репрезентировано синтаксической конструкцией в целом, а также общего диктума и модуса, которые варьируются в зависимости от лексического наполнения фразеосхемы» [Меликян В.Ю., Меликян А.В., Посиделова 2021, с. 48–49].

Рассмотренные конструкции с участием стабильного и обязательного местоименного компонента обладают своей собственной интегративной семантикой, нередко осложненной оценочным компонентом, строятся по вполне определенной фразеосхеме и имеют характерные лексико-семантические ограничения.

3. Местоименные комплексы с семантикой совместности, единства, единения, солидарности с положительной оценочностью

*3.1. Местоименный комплекс **мы с тобой** на базе именительного надежда и творительного социативного*

Данный МК употребляется в разных коммуникативных ситуациях и строится по единой модели. К примеру: «Когда *мы с тобой* пойдем в кино?» и т. п. Этот МК выступает и в литературном творчестве. Вспомним, наверное, самое известное стихотворение Константина Симонова:

- (13) *Как я выжил, будем знать / Только **мы с тобой**. / Просто ты умела ждать / Как никто другой* (Константин Симонов. «Жди меня, и я вернусь»).

В высоко экспрессивной версии (как правило, в эллиптической конструкции) возможно **Как мы, а?**

Семантика единения реализуется также во множественном числе: в МК **мы с вами / мы с ним / с ними** (с творительным социативным (совместного действия)) – речь идет о двух (возможно, и более) лицах, из которых одно лицо выступает в качестве представителя группы, состоящей из двух и более лиц. Например, женщина, предположим, Таня, выступает от имени двоих человек – себя и Пети, употребляя местоимение 1-го л. мн. числа: «Мы с Петей на неделе обязательно к вам заглянем». В данном случае субъект возвещает совместный визит от имени двоих лиц или от имени себя и еще ряда лиц (*мы с подругой, мы с мамой* и т. п.).

Для русской лингвокультуры такой тип презентации категории лица привычен, обычен, нормален. Однако в близкородственном польском языке обычно и нормально другое: **Piotr i ja** ‘Петр и я’. Группа, коллектив таким образом не возникает, потому что каждый тут сам по себе, и это нормально, привычно и обычно. Таким образом, в этом свободном сочетании местоименный комплекс не формируется.

3.2. Местоименный комплекс *Мы с вами!* как проявление солидарности

Данный МК может выступать как выражение солидарности с кем-либо или с какой-либо акцией, организацией, так и служить проявлением принадлежности к какой-то социальной группе, как демонстрация приверженности идее и т. п. См.: «**Мы с вами!** Мы вас поддерживаем!» (из текущей публицистики).

3.3. Местоименный комплекс *мы вместе*

Этот комплекс с обязательным компонентом в виде личного местоимения **мы** может выступать в разных ситуациях, с разными модификациями, при этом с практически фиксированным составом компонентов – **мы вместе**.

3.3.1. МК *Мы вместе* в общественной жизни современной России. МК **мы вместе** широко используется в общественной жизни нашей страны как своего рода идеологема, лозунг, призыв к еди-

нению и как формула солидарности; под этим призывом организуются благотворительные акции, направленные на помощь больным детям, пожилым людям, беженцам и другим категориям граждан в разных регионах, которые нуждаются в социальной поддержке. Данная формула солидарности имеет разные графические презентации: **#МыВместе; Мы вместе; #МЫВМЕСТЕ Мы вместе! мы вместе ДОБРО #МыВместе**

3.2.2. *МК-формула совместности мы вместе.* Данная формула имеет хождение и в другой ситуации – к примеру, когда мы пришли в театр и сдаем пальто в гардероб, и при этом нас спрашивают: «– **Вы вместе?**» Эта ситуация предполагает соответствующую модель поведения ее участников – без ее дополнительного озвучивания, что если мы пришли вместе с кем-либо, то наши пальто могут повесить на один номерок. Этот вопрос мы можем предвосхитить, сообщив о том, что *мы вместе*, не дожидаясь его. Предполагается по умолчанию, что при этом наши вещи будут повешены на один номерок.

3.2.3. *МК с числовым показателем мы вдвоем.* В данном МК речь идет о группе людей, объединенной коллективным субъектом *мы*. Как правило, числовой показатель, содержащийся в МК, в тексте так или иначе конкретизируется, становится понятен из контекста или конситуации. В примере ниже состав участников МК естественным путем вытекает из широкого контекста воспоминаний одного известного в стране человека о другом известном человеке: языковеда Азы Алибековны Тахо-Годи о своем супруге, философе Алексее Федоровиче Лосеве. См.:

(14) *Мы вдвоем, а день сияет и все ароматы любимых им цветов – ландышей и сирени* (Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания [2009]);

См. также ряд других примеров, в которых формируется или реализуется семантика единства и единения:

(15) *Часа четыре провели мы вдвоем, то сидя на диване, то медленно расхаживая перед домом, и в эти четыре часа сошлись окончательно* (И.С. Тургенев. Ася [1858]). Возможно, впрочем, данное употребление сочетания *мы вдвоем* интерпретировать как свободное.

В случае, когда субъект в пределах предложения не получает конкретизации, речь нередко идет о паре *он и она*. См.:

- (16) *И наконец единственный неповторимый вечер. Мы вдвоем* (Фазиль Искандер. Письмо [1969]);

См. также другие примеры, в которых коллективный субъект в пределах предложения частично конкретизируется через номинацию другого участника данного коллектива, данную в творительном социативном падеже совместного действия:

- (17) *Мы вдвоем с Костей едем через мост* (А.С. Лавриненко. Там, где нас нет // «Волга». 2010).

Конкретизация участников МК может осуществляться также в именительном падеже:

- (18) *Мы вдвоем в бронетранспортере остались – я и сапер Костя* (Андрей Шапран, Евгений Азанчевский. «А в Варшаву мы вошли первыми» // «Огонек». 2015).

Имена субъектов предложения могут выступать в препозиции к МК, в антецеденте, предворяя информацию о каких-то событиях.

- (19) *Аркаша мог стать доцентом, я ординатором <...> Страшно даже подумать, какой урон мы вдвоем могли нанести отечественной медицине!* (Григорий Горин. Иронические мемуары [1990–1998]).

3.2.4. *Местоименные комплексы – крылатые слова.* На местоименной основе возможно формирование целых констелляций крылатых слов, создающих представление о единстве группы (множества) людей. См.: *я, ты, он, она, вместе целая страна...* (из общеизвестной песни).

4. Местоименные комплексы с оппозитивной семантикой

Местоименные комплексы-антиподы представляют собой сложные целостные наименования, сформировавшиеся на базе местоимений с обобщенной, синкретичной семантикой. Местоименные структуры на базе оппозиций составляют немалый пласт в системе рпоптіна. Характер связи их компонентов, как правило, сочинительный.

По поводу сочинительного характера этой связи могут быть высказаны следующие соображения. С помощью сочинительной

связи фиксируется принадлежность объектов к одной сфере действительности, осуществляется сложение понятий [Норман 2018, с. 174]. Сочинительная связь «(в типовом случае) отражает сложившуюся в коллективном сознании номенклатуру (таксономию) понятий, включая сюда и родо-видовые отношения между ними. Кроме того, порядок слов в рамках сочинительного ряда отражает еще и ранжирование этих понятий, основанное на их прагматической ценности» [Норман 2018, с. 193–194]. Рассмотрим далее местоименные комплексы, основанные на сочинительной связи, обращая внимание на прагматическую значимость местоимения **я** как члена комплексов, стоящего в препозиции и этого же местоимения в постпозиции.

4.1. Местоименный комплекс **я и ты**

Этот местоименный комплекс представляет собой некое целое, тем не менее воспринимаемое как расчлененное на две самостоятельные сущности, иными словами, **я и ты** – это отнюдь не то же самое, что **мы** или **мы с тобой**. Нередко такой комплекс бывает обращен к личной жизни человека. Вспомним песню, исполняемую Стасом Пьехой, на музыку В. Дробыша, Л. Молочника, А. Золотарева, которая так и называется «Я и ты», обратив внимание на то, что ее содержание сугубо личное, а описываемые отношения непростые:

(20) *Когда вокруг шумят холодные дожди, / Сделай шаг / И обещай, что вместе навсегда / Я и ты, я и ты, я и ты.*

См. другие примеры:

(21) *В Москве о твоём отъезде будем знать только я и ты* (Петр Галицкий. Опасная коллекция [2000], НКРЯ. 19.02.2022).

В примере (21) выделяется семантика секретности передаваемой информации и необходимости ее нераспространения и сохранения исключительно внутри данной группы лиц, обозначенной как **я и ты**. Обособленность данной группы подчеркивается частицей *только*.

Обособленность членов группы, состоящей из **я и ты**, может подчеркиваться в многочисленных примерах обозначенного типа с помощью повтора **и** в функции подтверждения:

(22) *И я, и ты, Григорий, вплотную займемся газетой* (Лев Корнешов. Газета [2000]).

4.2. Местоименный комплекс *ты и я*

Комплекс *ты и я* представляет собой с точки зрения семантики нечто иное, нежели комплекс *я и ты* (с местоимением *я* в препозиции, как можно было заметить, подразумевающий своего рода обособленность и дистанцированность друг от друга членов группы), а именно сочетание *ты и я* на основании примеров употребления позволяет сделать вывод, что в этом комплексе речь идет о более сплоченной группе людей, чем в группе *я и ты*.

- (23) *Двое мы с тобой остались от нашей роты. Ты и я. Кто бы мог подумать о такой судьбе?* (Константин Симонов. Живые и мертвые [1955–1959]);
- (24) *И утешил его, как умел: «Ты и я, мы с тобой – будем как одна душа, сынок»* (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь». 2001);
- (25) Мол, *ты и я – одного поля ягода* (Андрей Волос. Недвижимость [2000] // «Новый мир». 2001);
- (26) Мы с тобой типа одной крови, *ты и я»* (Игорь Свиначенко. Олимпийская интрига // «Сноб». 2017).

Представляется очевидным – на основе примеров употребления, – что МК *ты и я* имеет семантические отличия от МК *я и ты* в сторону значительно большей сплоченности членов группы, обозначенной МК. Показателями данного положения вещей является параллельное употребление в пределах предложений с МК *ты и я* также комплекса *мы с тобой* (указывающего на сплоченность группы), а также лексических единиц *мы с тобой одной крови* и *одного поля ягода* (манифестирующих сходство и подобие).

4.3. Местоименный комплекс *ты да я*

Данный МК являет собой еще более устойчивое единство. В то же время этот комплекс может нести дополнительные смыслы, например указания на связь с народной культурой. Примеров на употребление данного комплекса чрезвычайно много, как весьма отдаленных во времени, так и современных. См.:

- (27) – *У нас с тобой нет ни отцов, ни матерей, ни родных, ни близких, мы с тобой одни, ты да я – пора бы давно понять это!* (Н.Э. Гейнце. В тине адвокатуры [1893]);

- (28) *Ведь нас двое? Ты да я* – и все тут. *Закрыл бы лавочку, да и жил бы спокойно* (Вас.И. Немирович-Данченко. Цари бирж (Каиново племя в наши дни) [1886]);
- (29) *Ты да я, да наши дети, да иногда чухонец, да изредка солдат из крепости, да медведь из лесу* (К.П. Масальский. Быль 1703 [1848]).

В примерах, восходящих к XIX веку, ярко проступает ограничительная семантика комплекса, указание на малое количество людей и на его своего рода недостаточность с точки зрения говорящего. Аналогичная семантика может быть выделена и в контекстах широко понимаемой современности. В комплексе *ты да я* может находить свое выражение семантика *такой как все*. См.:

- (30) *Такими, как ты да я, вся Сибирь заселена* (Л.М. Леонтьев. Барсуки [1924]);
- (31) *На равных правах работать будем. Ты да я. Общество на паях* (А.А. Крон. Винтовка № 492116 [1929]).

4.4. Местоименный комплекс *ты да я да мы с тобой*

Конструкционное единство русского языка *мы с тобой* имеет своего рода аналог в виде лексического фразеологического единства: *ты да я да мы с тобой* – ритмизированного, присущего народной разговорной речи.

Дополнительные компоненты значения у МК *ты да я*, связанные с ограничительной семантикой, со всей полнотой проявляются в комплексе *ты да я да мы с тобой* (тавтологического характера).

Примеры из НКРЯ показывают, что данное выражение служит для демонстрации малого количества лиц (например, на данной территории) и на их обособленность.

- (32) *А тут всего-то людей: ты да я да мы с тобой*» (Ксения Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013);
- (33) *И они жили сначала, пока жива была Татьяна Анисимовна, втроем, а потом совсем одни – ты да я, да мы с тобой*» (Ирина Безладнова. Дина // «Звезда», 2003);
- (34) *Во всем околотке ты, да я, да мы с тобой...* (Федор Абрамов. Дом [1973–1978]);
- (35) *Кажется, так и останется навеки. Ты да я да мы с тобой* (Валентин Распутин. Живи и помни [1974]).

Союз **да** в комплексе **ты да я** и ритмизированная структура **ты да я да мы с тобой** придает оттенок близости к народной культуре, этнической отмеченности.

4.5. Местоименный комплекс **он и она**

Данная оппозиция издревле имеет символический, гендерно окрашенный смысл как знак мужчины и женщины, людей с присущими им в силу природных гендерных особенностей психофизическими и ментальными качествами.

4.6. Местоименный комплекс **они и мы** (или **мы и они**)

Контексты употребления позволяют предположить, что за этим комплексом стоит противопоставление на линии *свой – чужой*. Противопоставление осуществляется по разным признакам. Такая оппозиция нередко содержит политическую окраску, несет в себе политические смыслы. На это обратила внимание, в частности, О.П. Ермакова в своей книге «Местоимения в русском языке» в подразделе «Идеологическое противостояние в семантике местоимений» (см.: [Ермакова 2018, с. 54–56]). При этом **мы** – это, условно говоря, «наши», то есть люди, близкие нам по каким-либо признакам, а **они** – условно говоря, «не наши», не вписывающиеся в наши представления о том, как должно быть, как вести себя правильно, уместно, целесообразно прежде всего в сфере политики, идеологии и т. п.

4.7. Комплекс на основе существительного с обобщенной семантикой (в препозиции) и местоимения **мы** (в постпозиции) в функции коллективного обобщенного субъекта

Комплекс формируется на базе неместоименной и местоименной лексем. При этом местоимение **мы** может обозначать исключительно крупное человеческое сообщество, символизировать человечество как таковое или представителей данной страны, региона и пр. под. Этот комплекс тяготеет к функции заголовка (ср.: *Природа и мы; Животный мир планеты и мы; Космос и мы*) и служит демонстрации отношения человека (человечества) в целом или представителей какого-то сообщества людей к каким-то глобально важным сущностям и ценностям. См. примеры из корпуса:

(36) **Природа и мы**. Города заперли нас в свои каменные стены, и мы видим природу лишь по телевизору (Природа и мы // «Знание – сила», 1997 [19.02.2022]);

- (37) ...Особый оттенок получает эта трагедия, если вспомним, что именно пушкинский Петр смотрит на Петербург как на окно в Европу: тут вскроется нам кое-что из проклятейшего вопроса, имя которому – *Европа и мы* (В.Ф. Ходасевич. Колеблемый треножник. 1921 [20.02.2022]);
- (38) «Европа» и «мы» – до сих пор ясно не походят друг на друга только по книжкам и газетам, здесь (в книжках и газетах) читатель может различать эту книжную ясность разницы (Г.И. Успенский. Кой про что [1885]).

Отметим, что в примере из Г.И. Успенского от 1885 г. члены комплекса выделены кавычками. Возможно, период, к которому относится пример, демонстрирует начало формирования комплекса (отсюда и кавычки, фиксирующие новизну словосочетания). В наши дни интернет-пространство изобилует примерами рассматриваемого типа, они привычны, отсюда надобность особого выделения их слагаемых кавычками не возникает.

Заключение

1. Проведенный анализ разных типов местоименных комплексов на основе личных местоимений в плане их структурно-семантических свойств и особенностей позволил в предварительном плане очертить границы сферы их функционирования и установить их реляции с диалогической средой. Были выявлены семантические связи местоименных комплексов с отношениями синонимии, антонимии и омонимии. Анализ экземплификаций показал, что местоименные комплексы в целом относятся к языку повседневности, частотны в разговорном языке, выступают также в художественном и публицистическом дискурсах.

2. На основе анализа местоименных комплексов на базе личных местоимений представляется возможным сделать вывод, что местоименные комплексы являются информативно насыщенными коммуникативными единицами русского языка, носителями специфической интегративной комплексной семантики, регулятивами коммуникативного поведения. Анализ позволил выделить ряд функций этих языковых единиц в составе диалоговых единств, в том числе функции обобщения, идентификации, противопоставления, обособления и ряд других функций, и прийти к выводу, что их функциональный диапазон чрезвычайно широк.

3. Анализ показал, что местоименные комплексы играют значительную роль в стилистическом оформлении речи, градуируя

смыслы и привнося в описание языковых ситуаций тонкие семантические нюансы. Модификации и уточнению коммуникативных смыслов способствует употребление ряда дискурсивных маркеров.

4. Представленное в статье внутриязыковое сопоставление местоименных комплексов, подкрепленное межъязыковым сопоставительным фоном близкородственного польского языка, показывает, что одни и те же смыслы могут иметь иное, специфическое языковое оформление в другом языке; такой анализ позволяет составить некоторое предварительное представление о внутри- и в какой-то мере межъязыковом варьировании средств выражения коммуникативных смыслов ряда рассматриваемых единиц; продолжением же анализа могло бы стать установление связи таковых с этнолингвистической традицией.

5. Выделение местоименных комплексов на базе личных местоимений целесообразно с точки зрения изучения категории падежа местоимений, процессов и стадий их метафоризации, лексикализации и фразеологизации. Выявление функций местоименных комплексов на базе косвенных падежей личных местоимений с разнообразной объектной и обстоятельственной семантикой предположительно помогло бы установить и уточнить ряд связей падежных реляций с ситуацией речевого общения и коммуникативным поведением ее участников.

6. В связи с выраженной семантической и структурной спецификой фразеологизированных местоименных комплексов и интегративным характером их семантики представляется целесообразным сфокусировать на них внимание современной лексикографии и продумать формы их включения в состав толковых и двуязычных словарей, во фразеологические словари, в словари русской разговорной речи.

Источники

- Бондаренко 2013 – *Бондаренко В.Т.* Ответные реплики в русской диалогической речи: Словарь. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2013. 339 с.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.: ил.
- МАС 1984 – Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1984.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorporian.ru (дата обращения 26.05.2022).
- СЯРЖ 2001 – *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки русской культуры; Wiener Slavistischer Almanach, 2001. 254 с.

Литература

- Величко 2016 – *Величко А.В.* Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М.: МАКС Пресс, 2016. 436 с.
- Ермакова 2018 – *Ермакова О.П.* Местоимения в русском языке. М.: ФЛИНТА; Наука, 2018. 80 с.
- Кибрик, Сидорова 2013 – *Кибрик А.А., Сидорова Е.В.* Откуда есть пошло субъектное местоимение на Руси? // Славянские языки в синхронии и диахронии: Материалы Международной научной конференции: Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 26–28 ноября 2013 г. / Редкол.: М.Л. Ремнева и др. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 167–169.
- Кульпина 2009 – *Кульпина В.Г.* Современные тенденции в лексикографировании класса местоимений (на материале польского и русского языков) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 124–134.
- Кульпина 2012 – *Кульпина В.Г.* Вариативность локативных конструкций как индикатор лингво- и этнообусловленной категоризации мира // Вариативность в языке и коммуникации: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л.В. Федорова. М.: РГГУ, 2012. С. 85–98.
- Кульпина 2016 – *Кульпина В.Г.* Теория форм вежливости японского языка В.М. Алпатова как теоретико-эвристическая база параметризации речевого этикета в славянских языках // Проблемы общей и востоковедной лингвистики – 2016: Язык. Общество. История науки: К 70-летию чл.-кор. РАН В.М. Алпатова: Труды научной конференции Института востоковедения РАН 22–23 апреля 2015 г.: В 2 т. / Отв. ред. З.М. Шаляпина; сост. А.С. Панина, А.С. Зверев. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. С. 23–45.
- Меликян В.Ю., Меликян А.В., Посиделова 2021 – *Меликян В.Ю., Меликян А.В., Посиделова В.В.* Грамматика конструкций vs синтаксическая фразеология // Вопросы когнитивной лингвистики 2021. № 2. С. 46–64.
- Норман 2018 – *Норман Б.Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка. М.: ФЛИНТА; Наука, 2018. 254 с.
- Плунгян 2000 – *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
- Русская грамматика 1979 – Русская грамматика / *Vědecký red. K. Hořálek.* Praha: Academia, 1979. Т. 1. 664 с.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика / Академия наук СССР. М.: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.
- Шаронов 2016 – *Шаронов И.А.* Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог–2016», Москва, 1–4 июня 2016 г. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/3423/sharonovia.pdf> (дата обращения 26.05.2022).
- NSS 1993 – *Bogusławski A., Wawrzyńczyk J.* *Polszczyzna jaką znamy.* Nowa sonda słownikowa. Warszawa: Uniwersytet Warszawski. Katedra lingwistyki formalnej, 1993. 488 с.

- Rittel 1985 – *Rittel T.* Kategoria osoby w polskim zdaniu. Warszawa; Kraków: Państwowe Wydawnictwo, 1985. 320 s.
- Rudzka-Ostyn 2000 – *Rudzka-Ostyn B.* Z rozważań nad kategorią przypadku / Tłumaczenie i redakcja naukowa E. Tabakowska. Kraków: Universitas, 2000. 276 s.

References

- Bogusławski, A. i Wawrzyńczyk, J. (1993), *Polszczyzna jaką znamy. Nowa sonda słownikowa*, Uniwersytet Warszawski, Warszawa, Poland.
- Ermakova, O.P. (2018), *Mestoimeniya v russkom yazyke* [Pronouns in Russian language], FLINTA, Nauka, Moscow, Russia.
- Horálek, K. (ed.) (1979), *Russkaya grammatika* [Russian grammar], vol. 1, Academia, Praha, Czechoslovakia.
- Kibrik, A.A., Sidorova, E.V. (2013), “Where from have we got the subject pronoun in Russia?”, in Remneva, M.L. (ed.), *Slavyanskie yazyki v sinkhronii i diakhronii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii, Moscow, MGU imeni M.V. Lomonosova, Filologicheskij fakul'tet, 26–28 noyabrya 2013 g.*, [Slavic languages in synchronicity and diachronicity. Proceedings of the International Scientific Conference., Lomonosov Moscow State University, faculty of philology, Moscow, November 26–28, 2013], MAKS Press, Moscow, Russia, pp. 167–169.
- Kul'pina, V.G. (2009), “The contemporary tendencies in lexicographic presentation of pronoun class (on the material of Polish and Russian languages)”, in *Yazyk, soznanie, kommunikaciya* [Language, consciousness, communication], no. 38, MAKS Press, Moscow, Russia, pp. 124–134.
- Kul'pina, V.G. (2012), “Variability of locative constructions as an indicator of linguistically and ethnically determined categorization of the world”, in Fedorova, L.V. (ed.), *Variativnost' v yazyke i kommunikacii* [Variability in language and communication], RGGU, Moscow, Russia, pp. 85–98.
- Kul'pina, V.G. (2016), “The Japanese forms of politeness' theory of V.M. Alpatov as a heuristic base of parameterization of speech etiquette in Slavic languages”, in Shalyapina, Z.M. (ed.), *Problemy obshchei i vostokovednoi lingvistiki – 2016: Yazyk. Obshchestvo. Istoriya nauki: K 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN V.M. Alpatova: Trudy nauchnoi konferencii Instituta vostokovedeniya RAN 22–23 aprelyya 2015 g.* [Issues of general and Oriental linguistic – 2016. Language. Society. History of science. On the 70th anniversary of V.M. Alpatov, associate member of the Russian Academy of Sciences. Proceedings of the Scientific Conference of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, April 22–23, 2015], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia, pp. 23–45.
- Melikyan, V.Yu., Melikyan, A.V. and Posidelova, V.V. (2021), “The grammar of constructions vs. syntactic phraseology”, *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 2, pp. 46–64.
- Norman, B.Yu. (2018), *Kognitivnyi sintaksis russkogo yazyka* [The cognitive syntax of Russian language], FLINTA, Nauka, Moscow, Russia.

- Plungyan, V.A. (2000), *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to problematics], URSS, Moscow, Russia.
- Rittel, T. (1985), *Kategoria osoby w polskim zdaniu*, Państwowe Wydawnictwo, Warsaw, Kraków, Poland.
- Rudzka-Ostyn, B. (2000), *Z rozważań nad kategorią przypadku*, Universitas, Kraków, Poland.
- Sharonov, I.A. (2016), "Discursive words and communicatives", *Komp'yuternaya lingvistika i intelektual'nye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoj konferencii "Dialog-2016"*, Moscow, Russia, 1–4 iyunya 2016 g., available at: <https://www.dialog-21.ru/media/3423/sharonovia.pdf> (Accessed 26 May 2022).
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980), *Russkaya grammatika* [Russian grammar], vol. 1, Akademiya nauk SSSR, Nauka, Moscow, Russia.
- Velichko, A.V. (2016), *Predlozheniya frazeologizirovannoi struktury v russkom yazyke. Strukturno-semanticheskoe i funktsional'no-kommunikativnoe issledovanie* [The sentences of phraseological structure in Russian language. Structural, semantic, functional and communicative study], MAKS Press, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Валентина Г. Кульпина, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991 Россия, Москва, Ленинские Горы, д. 1, стр. 13; vgrkulpina@mail.ru

Information about the author

Valentina G. Kulpina, Dr. of Sci. (Philology), assistant professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 13, bld. 1, Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119991; vgrkulpina@mail.ru